

Панченко Андрей Алексеевич

За чертой

УДК 82-312.9
ББК 84-445
П16

Панченко А. А.

П16 За чертой / Андрей Алексеевич Панченко. – М.: Литнет, 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-524-00904-3

1986 год. Афганистан.

Разведгруппа спецназа ГРУ получает задачу, которая быстро превращается в бой на грани возможного. Штурм укрепрайона Карера, рейд через пакистанскую границу, трое суток непрерывных боёв в горах, окружение и отход с погибшими на плечах.

Сергей Серёгин уже не тот молодой боец, который только попал в отряд. Теперь за его спиной люди, за которых он отвечает, и война, которая навсегда остаётся внутри.

Но после боя начинается другое испытание. Политики и генералы пытаются замаять скандал, награды отменяют, а подвиг спецназовцев превращают в неудобную историю. Про тех кто погиб и пропал без вести как будто забыли. И всё же для тех, кто был там, за чертой афганской границы, эта война уже никогда не закончится.

«За чертой» – жёсткий и реалистичный роман о спецназе ГРУ в Афганистане, о долге, братстве и цене, которую платят за победу.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00904-3

© Литнет, 2026

© Панченко А. А., 2026

1

За операцию по захвату укрепрайона Карера никого из живых не наградили. Только погибшие получили ордена посмертно. Скандал с заходом спецназа на территорию Пакистана и бой на границе вышел грандиозным. Спецназовцы вступили в прямое огневое столкновение не только с моджахедами, но и с пограничными войсками Пакистана. Это подтверждалось захваченными трофеями и телами убитых в пакистанской форме. Пакистан заявил официальный протест, обвинив СССР в прямой агрессии и вторжении. В западной прессе инцидент освещался как доказательство экспансии Советов за пределы Афганистана. В газетах публиковали фотографии красного флага, поднятого над занятой нами высотой. Той самой тряпки, выдранной из афганской жилетки, что я понял на разбитых позициях, чтобы отлечь духов и не дать им атаковать.

Командир пятнадцатой бригады спецназа был снят с должности и отправлен в СССР с понижением. Представления к государственным наградам для участников боя были аннулированы.

В нашем отряде эту новость переживали как личную трагедию. Не из-за наград, а из-за судьбы командира. Именно благодаря ему были спасены джелалабадцы и больших потерь удалось избежать. Он принял на себя ответственность, приказав артиллерии бить по подходящим резервам из Пакистана, и именно он дал команду летчикам работать за территорией Афганистана.

Наш майор тоже тяжело переживал несправедливое отношение командования к подвигу своих солдат.

– Парни, спасибо вам – Майор с потухшими глазами и с таким перегаром, что его чувствовал весь строй, стоял перед нами на плацу, сняв с головы кепку и покачиваясь – Суки штабные хотят всё замять, все наградные завернули. Падлы... Но ничего. Каждый своё получит, и вы свои награды, и эти уроды своё. Бог он всё видит.

А наградные мы перепишем, пусть не за Кареру, но я вам клянусь, я найду за что вам вручить ордена.

– Товарищ майор... – Стоящий рядом замполит, попытался взять командира под руку, чтобы увести с глаз бойцов.

– Что бля?! Скажешь я не прав?! – Майор налитыми кровью глазами посмотрел на замполита.

– Я не об этом – Замполит и бровью не повел – Я просто хочу сказать, что нужно распускать бойцов. Стоим на плацу уже час, это отличная цель для духов. Могут обстрелять. Жалко будет, если парней прямо на плацу минами накроет.

– Минами? – Майор оглядел окружающие базу отряда горы мутным взглядом – Да, могут минами. Ладно, занимайтесь по расписанию...

Майор развернувшись побрел в штаб, а мы, повинувшись движению руки замполита, который за спиной майора показывал нам срочно испарится с плаца, мгновенно разбежались кто куда.

Ко всему прочему настроения не добавляло и отсутствие вестей про тех бойцов, которых мы не нашли... Про двоих пропавших спецназовцев джелалабадского отряда сначала почти не говорили. Их не забыли – наоборот. Пока человек числится пропавшим без вести, внутри всё равно живёт тупая, упрямая надежда. Не разумная даже, а какая-то звериная. Может, ушли в сторону. Может, раненых подобрали местные. Может, сидят где-то в кишлаке. Может, плен.

Слово «плен» в отряде старались лишний раз вслух не произносить. Их искали через агентуру. Через местных проводников, через торговцев, через людей, у которых были родственники по ту сторону границы. Через тех, кто за деньги, страх или взаимную услугу мог узнать то, о чём посторонним не рассказывали. Информация приходила обрывками, противоречивая.

Сначала прошёл слух, что двоих наших видели живыми. Потом – что оба тяжело ранены. Потом – что их унесли люди с пакистанской стороны. После этого снова наступила тишина.

Потом информация всё-таки подтвердилась. Обоих взяли в плен тяжело ранеными ещё во время боя. Один был без сознания, второй ещё какое-то время приходил в себя, но прожили они недолго. Раны были слишком тяжёлыми, крови потеряно слишком много. По слухам, умерли они уже в первые дни после боя где-то на территории Пакистана.

Хуже всего было даже не это. Хуже было то, что похоронили их неизвестно где. Просто – где-то за границей. В чужой земле. Под чужими камнями.

Наши теперь пытались выяснить место захоронения и найти способ вернуть тела. Через посредников, через старейшин, через агентуру. Любой ценой.

Потому что в спецназе к своим погибшим отношение было особое. Живых вытаскивали из-под огня. Мёртвых тоже старались не оставлять. И мысль о том, что двое наших лежат где-то за кордоном, спокойно жить никому не давала.

Но официально они всё ещё числились пропавшими без вести. В Союз родным уходили осторожные бумаги и сухие формулировки. Без подробностей. Без слов про плен. Без Пакистана. Без того, как всё было на самом деле.

Наверное, это было даже страшнее смерти. Ведь их матери продолжали ждать писем. Надеялись, что их сыновей, может быть, обменяют. Кто-то наверняка каждый день вздрагивал от звонка или стука в дверь. А мы уже знали правду и ничего не могли сказать.

Даже разговоры про скандал, про снятого комбрига, про западные газеты и фотографии красного флага как-то отошли на второй план. Потому что одно дело – политика. Другое – свои погибшие, которых не смогли вернуть домой.

Именно тогда я окончательно понял, почему старики так ненавидят слово «пропавший». Потому что пока человек пропал без вести – война для его близких не заканчивается. Она продолжается каждый день. Медленно. Годами. Без выстрелов и взрывов. И это даже страшнее, чем там, в горах.

Вчера улетели вертолеты с дембелями. Равиль, Игорь Быков, Лёня Лобанов, Володя Вебер и Миша Саевич улетели в Кабул, ждать самолета, который должен будет их отвести домой, в Союз. И вместе с ними, улетела как будто часть моей души. Расставаться с парнями, с которыми мы вместе прошли огонь и воду, было тяжело до слёз.

– Серёга, брат! Я домой лечу, аж не верить! – Равиль обнял меня на прощание, уже перед самой посадкой – Дембельнешься, сразу ко мне, в Казань! У нас там красиво, вот увидишь, тебе понравится. Ты же любишь рыбалку говорил? Приедешь, на Волгу пойдем, на рыбалку, там такие места, что мама не горюй. Буду ждать тебя брат. И пиши, как тут у вас и чего. А, ещё, не вздумай мне тут сдохнуть!

Быков крепко пожал мне руку, и тоже не удержался от объятий. В парадной форме, с орденом и медалями на груди, с нашивками за ранения, со старшинскими погонами, которые ему вручили буквально за пару дней до отлета, он выглядел солидно. Голубой берет каким-то чудом едва не сваливался с его затылка, настолько он его задвинул назад. Если со стороны солнца встанет, и смотреть только на лицо – как образ на иконе выглядит. Лик усатого спецназовского ангела-хранителя, в голубом ореоле.

– Ну что Серый, бывай. Я за нашу группу теперь абсолютно спокоен, правильно Морозов сделал, что тебя замком вместо меня поставил. И как есть тебе скажу, без соплей. Когда ты со своим пулеметом был у нас за спиной, я всегда знал, что духи не пройдут и группу не догонят на отходе. Спасибо тебе.

Глаза на мокром месте, я едва сдерживался. Тяжёлое для меня вышло прощание.

Да. Теперь я заместитель командира группы и старший сержант. Хоть нас и не наградили за тот бой, но я получил новое звание, перепрыгнув через одну ступень, и теперь заместитель Морозова. Должностью я обязан старлейю, он сам ходил к майору, с просьбой меня утвердить, а вот звание получил благодаря замполиту отряда. Он,

впрочем, как и все группы, находящиеся на вершинах по флангам той высоты, с которой мы эвакуировали погибших, видел тот самый злополучный красный флаг, ставший знаменитым даже в западной прессе. Видел и не забыл. Молодым бойцам тереть меня ставили в пример на политзанятиях.

Политзанятия после Кареры вообще превратились в какой-то театр абсурда. Замполит стоял перед молодыми бойцами, тыкал указкой в карту, рассказывал про «мужество советского солдата», а потом внезапно говорил:

– Вот Серёгин. Смотрите и запоминайте. Трое суток боёв. Раненый. Один прикрывал отход группы. Не побежал, не бросил своих, не дрогнул. А когда духи полезли со всех сторон и стало совсем тяжело – что сделал? Красный флаг над позицией поднял! Чтобы враг видел: советский солдат стоит и будет стоять до конца! Вот так воевали наши деды. Вот так должен воевать боец спецназа Советской армии!

И все сразу поворачивались ко мне. А мне в такие моменты хотелось только провалиться сквозь землю. Потому что перед глазами сразу вставали не эти политзанятия и не карты. А волокуши. Окровавленный брезент. Дувал. И имена тех парней, которых мы так и не нашли.

Я замполита не винил. Хороший он мужик по сути, на боевые ходит как все офицеры отряда, за солдат как лев бьется, когда надо. И речи эти он говорит, не потому что ему это нравится, а потому что это его работа. Но всё равно, для меня это всё как серпом по яйцам. Больно и страшно. Потому что я там был, потому что я точно знал, что тогда видел и чувствовал.

Но молодые смотрели иначе. Для них мы уже были ветеранами. Настоящими. Теми, про кого шёпотом рассказывают в курилках. Три красные нашивки за ранения, медаль «За отвагу» – герой, с заглавной буквы «х». Да, нашивки у меня теперь три. Контузия грудной клетки, при попадании в бронежелез, шея, и левая рука.

Маленький осколок попал мне в руку ещё на высоте, когда я лежал под минометным обстрелом, и его даже пришлось доставать, а рану зашивать. Но если честно, кроме того самого удара, при попадании, боли я тогда особо не чувствовал, на адреналине был. Все ранения можно сказать пустяковые, но тем не менее для молодых я чуть ли не умирал три раза.

– Это они в Пакистан ходили. – Шептались у нас за спиной.

– Это их флаг потом по Би-Би-Си показывали.

Бред какой-то. Ещё месяц назад я сам смотрел на стариков примерно так же. А теперь пацаны при виде меня вскакивали с табуреток в расположении и торопливо убирали с прохода сапоги, чтобы я смог пройти и не дай бог не споткнулся. Наверное, чтобы мне четвертую нашивку за это не присобачили. Завистливые гады...

После политзанятий один молодой как-то спросил меня совершенно серьёзно:

– Товарищ старший сержант... А правда, что вы тогда один целую высоту держали?

Я чуть сигаретой не подавился.

– Кто тебе такую херню сказал?

– Ну... Говорят...

– Запомни, боец. Одному высоту ну никак не удержать. Одному только сдохнуть можно быстро. Я прикрывал отход группы и на самой высоте минут пять-десять всего один был, к тому же там даже выстрела ни одного не сделал! И хорош всякую чушь молот.

Он смутился, закивал. А я потом ещё долго сидел возле казармы и курил.

Потому что именно это больше всего бесило после всех этих разговоров про Кареру. Людям всегда нужна красивая история. Герой с красным флагом.

Последний бой. Подвиг. А настоящая война вообще некрасивая.

Настоящая война – это когда шестеро уставших, грязных мужиков молча тащат по камням тела своих товарищей, потому что

бросить их нельзя. Когда у пулемётчика руки трясутся не от страха, а потому что он третьи сутки почти не спал. Когда ты уже не понимаешь, от чего звенит в ушах – от взрывов мин или от собственной усталости. Когда радуешься не победе, а тому, что успели вытащить своих. Мертвых...

Вот и вся романтика. Но молодым этого пока было не объяснить. Для них война всё ещё выглядела как что-то из фильмов или рассказов стариков. Такое не объяснить словами. Всё поймут они позже. После первых выстрелов над головой. После первых убитых. После первого крика раненого товарища. Жуткого, полного нестерпимой боли и ужаса.

Отряд после Кареры вообще изменился. Тихо стало. Нет, жизнь продолжалась. Группы всё так же уходили в горы. Прилетали вертолёты. Артиллерия по вечерам всё так же бухала где-то по зелёнке. Но что-то всё равно изменилось. Даже объяснить нормально не могу, что. Просто всё стало по-другому, серьезнее что ли. Иногда мне казалось, что в том бою весь отряд повзрослел сразу на несколько лет. Даже дембеля перед отлётом уже не ходили гоголем, как раньше. Не было привычного ржача возле курилки, не было вечных подколов молодых. Всё как-то притихло.

Будто каждый внутри себя что-то переваривал.

И Морозов после той операции тоже стал другим. Внешне всё как обычно, но это только внешне. Всё тот же спокойный голос. Всё те же короткие команды. Всё та же привычка молча курить перед выходом, сидя на ящике с патронами. Но теперь он улыбаться почти перестал.

Однажды вечером мы сидели возле каптёрки, чистили оружие после выхода. Морозов долго молчал, потом вдруг сказал:

– Знаешь, Серый...

– А?

– Мы тогда победили. По всем раскладам победили. Задачу выполнили полностью. А ощущение такое, будто проиграли.

Я ничего не ответил. Потому что сам чувствовал примерно то же самое. Он докурил сигарету, щелчком отправил окурки в пыль и тихо добавил:

– Запомни одну вещь. На войне самое тяжёлое не в атаку ходить. И не под пулями сидеть. Самое тяжёлое – потом жить дальше.

Тогда я только кивнул. Не до конца понимая. Понял позже. Потому что война никуда не делась. Просто после Кареры она стала другой. Теперь я уже сам отвечал за молодых. Сам проверял перед выходом снаряжение. Сам следил, как уложены ленты, закреплены гранаты, подогнаны ремни. Сам орал на бойцов за расхлябанность. Слышал иногда собственный голос и ловил себя на мысли, что начинаю говорить как Быков. Или как Морозов.

А по ночам иногда снился тот хребет. Красный флаг над камнями. Ми-24 над дувалом. И пятеро погибших, которых мы всё-таки не бросили.

Молодых начали гонять жёстче, да и нам, уже обстрелянным и всякого повидавшим ветеранам тоже доставалось. Если мы не ходили и не летали на боевые, мы тренировались. Морозов теперь вообще никому спуска не давал. Если раньше он мог молча посмотреть, махнуть рукой, то теперь за любую мелочь мог врезать таким матом, что даже старики втягивали головы в плечи.

– Почему лента в коробе дребезжит?! Тебя что, ничему жизнь не учит идиота?!

– Почему лифчик у тебя чуть ли не на мудах болтается?! Ты как с этой херней в горы собрался идти?!

– Почему подсумок для гранаты не застегнут?!

И всё это с ледяным спокойствием в голосе. Без крика почти. Но от этого было ещё неприятнее. Потому что все понимали – он дрючит косячника не из-за разгрузки или гранаты. Он просто слишком хорошо помнил, как быстро в горах любая мелочь может превратить человека в труп.

А тем временем в Асадабаде наступала весна. Днём уже жарило так, что броня БМП раскалялась, как печка. Пыль висела над базой